

УДК 947.02; ББК 63.3(2)4+63.3(0); DOI <https://doi.org/10.21638/spbu19.2020.103>

КАК СЕГОДНЯ ИЗУЧАТЬ ИСТОРИЮ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ? ДИСКУССИЯ

Михаил Попович: Продолжая обсуждение проблемы, поставленной Алексеем Мартынюком, я бы хотел привести пример нового подхода к изучению *Slavia Byzantina* в парадигме глобальной истории. В марте 2019 г. в Филадельфии состоялась 94-я встреча ассоциации «Medieval Academy of America», посвященная проблематике «Глобального поворота в медиевистике». Во время дискуссии был выдвинут тезис, что медиевистика может быть осмыслена не только как научная дисциплина, но и как исторический и культурный феномен, охватывающий не только научное пространство Европы, но также и такие регионы, как Ближний Восток, Восточная и Южная Азия, Африка и Америка. Сегодня мы постоянно слышим, как многие коллеги-историки в своих профессиональных работах, а также в масс-медиа и в сети Интернет говорят о таком феномене как «глобальное Средневековье».

Тема «глобального поворота» в исторических исследованиях настолько популярна, что, к сожалению, часто преподносится заинтересованной общественности в упрощенном виде — когда за ней скрываются вполне банальные вещи. Приведу лишь два примера. В одном интервью прозвучало утверждение, что фигура императора Карла Великого, да и средневековая Европа в целом, была лишь маргинальным явлением в жизни такого региона как «Афроевразия» (сознательно беру это название в кавычки). Я как медиевист сразу же готов задать критические вопросы: а Карл Великий знал о таком регионе, как «Афроевразия»? И в каком средневековом источнике мы можем найти упоминание такого региона и такого названия? В этом же интервью был выдвинут тезис, что при упоминании о распространении христианства в Европе необходимо обязательно подчеркивать, что в это время к глобальным религиозным сообществам относились также ислам, буддизм и индуизм. И здесь я готов задать критический вопрос: можно ли предполагать, что простой крестьянин, например, в Юго-Восточной Европе, имел или мог иметь какое-либо внятное представление об иных религиозных сообществах? Не является ли такого рода утверждение профанацией парадигмы глобальных исследований?

Такие высказывания, примеры которых я привел выше, основаны не на критическом прочтении источников и реальных научных результатах, а являются на самом деле

© Д. Е. Алимов, М. Даниш, М. В. Дмитриев, Л. И. Ивонина, А. В. Кузьмин, А. В. Мартынюк, М. Попович, А. Селарт, А. И. Филюшкин, Й. Хакманн, В. В. Чурзин, 2020

общими утверждениями, граничащими с откровенной банальностью. Их адресатом выступает непросвещенная общественность, у которой в результате формируются ложные представления как об истории вообще, так и о современной исторической науке. Я отдаю себе отчет в том, что эти мои слова могут прозвучать жестко — но таковы реалии, с которыми мы сегодня сталкиваемся.

Я не удержусь от последнего примера: в этом же интервью прозвучало утверждение, что глобальные связи уже тысячу лет назад оказывали влияние на жизнь конкретных людей Средневековья. Данное утверждение не только крайне сомнительно с научной точки зрения, но еще и вредит самой исторической науке (в данном случае — медиевистике), так как неправомерно переносит в прошлое термины XXI в., навязывает Средневековью чуждые для него понятия и реалии.

Значит ли это, что я хочу противопоставить друг другу медиевистику и современную парадигму глобальных исследований? Нет! Однако я хочу подчеркнуть, что я как медиевист и византинист в первую очередь должен стремиться к тому, чтобы войти в мир духовных и жизненных представлений человека Средневековья. Из этого следует, что я должен учитывать тот факт, что для большинства населения Европы в эту эпоху не было тех возможностей мобильности, которыми располагает наш современник. Письменные источники по истории средневековых Балкан (сфере моих профессиональных исследований) показывают, что мобильность сельского населения ограничивалась, как правило, собственной деревней и ближайшей ярмаркой.

Напомню, что несмотря на весь блеск византийской цивилизации, 90 % ее населения составляли сельские жители. Я позволю привести здесь свое воспоминание двадцатилетней давности, когда я только начинал заниматься изучением истории, которое запомнилось мне на всю жизнь. Пятидесятилетний серб из Косово сказал мне (цитирую дословно): «Я родился и вырос в небольшой деревне в маленькой речной долине. Моим миром была эта долина и гора над ней. Когда солнце поднималось по левую сторону горы — начинался мой день, когда оно заходило справа от горы — мой день заканчивался. Вот это и был мой мир». По моему мнению, вот от такого представления о жизненном мире человека прошлых веков (вплоть до начала эры технического прогресса и связанных с ним социальных изменений) мы и должны отталкиваться, когда говорим об истории Восточной Европы и мира *Slavia Byzantina*.

Я хочу выдвинуть тезис, что изменения в исторической науке XXI в., которые мы наблюдаем и в рамках которых мы ведем свои исследования, основаны не только на новых технических и/или коммуникационных возможностях. Не меньшую роль играет осмысление научного наследия тех исследователей, которые работали в XIX – первой половине XX в. и формировали новую парадигму изучения истории. Такой взгляд на проблему имеет то преимущество, что эти исследователи еще не находились под влиянием современной терминологии эры глобализации и современных дигитальных медиа. Их взгляд на то, что мы сегодня называем «глобальной историей», формировался на основе глубокого анализа источниковой базы — письменных свидетельств, данных археологии и других.

В рамках проблематики нашего круглого стола я хочу обратить ваше внимание на жизнь и научное наследие русского византиниста и слависта Владимира Алексеевича Мошина. Владимир Мошин родился в 1894 г. в Санкт-Петербурге и умер в 1987 г. в Скопье (тогда это была Югославия). В его жизненном мире ключевую роль играло представление

о тесной связи славянских стран — в политике, в культуре, в науке, которое было характерно для его времени. Важность такого рода представлений для становления Владимира Мошина как личности и как ученого хорошо видна в его автобиографии, изданной недавно (в 2008 г.¹) на сербском языке в Белграде. С 1921 г. и вплоть до своей смерти Владимир Мошин работал в Югославии — в Королевстве, а затем и в Социалистической Федеративной Республике. Работы Мошина внесли существенный вклад в развитие византистики, славистики, исследования рукописного наследия и архивных фондов в Югославии. Для исследовательской позиции ученого было характерно обращение к разным исследовательским темам, работа в различных ипостасях в научных и образовательных учреждениях.

Владимир Мошин преподавал в университетах Белграда и Скопье, работал директором архива в Загребе и сотрудником архива в Скопье. На протяжении 66 лет он оказывал огромное влияние на развитие исторической науки в Югославии. Особенно велики его заслуги в области издания сербских и византийских актов документов эпохи Средневековья, а также в сфере описания и изучения славяноязычных рукописей. Следует отметить многочисленные путешествия Владимира Мошина — не только научные и исследовательские, но также и паломничества — которые характеризуют его как действительно ученого глобального ранга. Он неоднократно бывал в Греции и не раз посещал монастыри Афона, результатом чего стал его научный интерес к этой «монашеской республике», ее истории, жизненному и духовному миру ее обитателей. Проблематика религиозного опыта была с детства близка Владимиру Алексеичу Мошину, в зрелом возрасте он принял духовный сан и был священником русской церкви Святой Троицы в Белграде.

Академическая карьера Владимира Мошина, его языковые и культурные компетенции, его научное наследие, его научное чутье в области новых исследовательских подходов и методов делают его, по моему глубокому убеждению, прекрасным примером нового подхода к изучению *Slavia Byzantina* в парадигме глобальной истории, хотя он сам, конечно, не употреблял эту терминологию. Профессиональное обращение к проблематике глобальной истории требует, как я стараюсь показать, поиска таких субстанциональных оснований этого нового подхода, а не поверхностного «опрокидывания прошлого» современной глобалистской риторики.

В заключение я хочу затронуть тему политических, культурных и научных связей славянских государств в XX в. Эта тема была очень важна и лично близка Владимиру Мошину, что отчетливо видно по его профессиональной биографии. Данная проблематика, по моему мнению, имеет важное значение при рассмотрении вопроса об изучении наследия *Slavia Byzantina* в контексте глобальной истории уже в наше время.

Вначале следует отметить, что научное наследие Владимира Мошина хотя и представлено в историографии практически всех балканских стран, но получило при этом разное институциональное оформление. В Сербии продолжает развиваться и играть заметную роль в общем научном ландшафте гуманитарных наук византистика, в становлении которой сыграл большую роль Мошин. Главным центром исследований в этом направлении остается Институт византистики Сербской Академии наук и искусств в Белграде. В области исследования средневековой славянской истории, культуры и археологии

¹ Мошин В. А. Под теретом / Превод и коментари Н. Палибрк-Сукић. Београд, 2008.

(то есть не в лингвистически ориентированной славистике) ситуация является более проблемной. Институт старославянской культуры в Прилепе (современная Республика Северная Македония), который когда-то был ведущим научным центром, впал после распада Югославии в стагнацию, и лишь в последнее время проявляет инициативу в развитии такого направления как *Digital Humanities*.

По моему мнению, движение в данном направлении логическим образом ведет эту ветвь медиевистических исследований в направлении подходов глобальной истории, что может придать новый импульс исследованиям в области истории и культуры славянских народов в период Средневековья.

Завершая свое выступление, я хочу использовать метафору пяти олимпийских колец. Каждое из этих колец может быть символически отождествлено с научной традицией одного из континентов. Такой подход позволяет релятивировать так называемый «глобальный поворот в медиевистике» (с критики которого я начал свое выступление), который искусственно конструирует *единый* глобальный мир Средневековья, охватывающий все континенты. При этом возникает вопрос, каким образом каждый из континентов вносит свой вклад в общую историю — на основе собственной истории и культуры эпохи Средневековья. Актуальной научной задачей является изучение каждой отдельной культурной общности (в нашем случае — мира славянского Средневековья) и уже затем постановка вопроса о том, как примененные нами методы и полученные нами научные результаты могут быть использованы при изучении соседних культурных миров.

Таким образом, я отдаю одно из олимпийских колец миру славянского Средневековья — самобытной и самоценной исторической культурной общности. Это предполагает, что исследователи из разных регионов славянского мира — восточно-, западно- и южнославянского — должны увидеть как свою специфику, так и то общее, что объединяет исследуемый ими исторический и культурный материал. Такое объединение должно основываться не на принципах политического панславизма XIX века, а на взаимном интересе к историческим формам конкретных славянских культур и равноправном диалоге современной научной историографии славянских стран.

Тема данного круглого стола затрагивает проблематику, которая важна для средневековой истории как Восточной (Древняя Русь и ее наследие), так и Юго-Восточной Европы (Византия и балканские страны). Фигура Владимира Алексеевича Мошина является примером естественной интеграции исследовательской проблематики из этих двух регионов — и одновременно примером подлинного, а не искусственного и политически ангажированного, применения парадигмы глобальной истории.

Денис Евгеньевич Алимов: Я бы хотел задать вопрос А. В. Мартынюку. Алексей Викторович, в каком соотношении предлагаемый вами подход к изучению Средневековой Руси под названием «византинизация» находится с цивилизационным подходом? Ведь существует византинистика немецкая, например, или румынская или сербская. Они немного отличаются, так как в одном случае Византия «живая» (достаточно близкая), в другом случае — достаточно далекая. С вашей точки зрения, можем ли мы говорить о цивилизационном подходе при изучении некой восточно-христианской русской цивилизации со всеми вытекающими отсюда последствиями?

Алексей Викторович Мартынюк: Я думаю, что мы действительно можем говорить о возможности и перспективности применения цивилизационного подхода при

изучении данной проблематики. Ведь у нас есть древнерусистика восточнославянская (российская, украинская и белорусская), есть древнерусистика зарубежная — немецкая, французская, американская, тоже очень хорошая, которая вносит свое понимание в работу наших отечественных ученых. Все эти школы и направления объединены общим предметом исследования — историей и культурой Средневековой Руси. Таким образом, я думаю, что цивилизационный подход вполне применим в данной ситуации, более того, предложенные мной «византинизация» и аксиологическое понимание истории Средневековой Руси являются частными случаями цивилизационного подхода.

Андрей Валентинович Кузьмин: У меня вопрос по поводу хронологических рамок византинизации. Вы предлагаете не разделять на национальные кухни историю Древней Руси, когда она была неким общим базисом для дальнейшего развития национальных историографий. Хронологически начало этого процесса более-менее понятно. А дискуссии не носят национального значения. Но вот рубеж, когда эта общность закончилась, имеет достаточно серьезный дискуссионный характер. По вашему мнению, когда можно говорить об окончании общей истории в эпоху Средневековья для этих трех восточнославянских историографий?

А. В. Мартынюк: По поводу этого вопроса можно вспомнить высказывание историка Сергея Плохия из его недавней книги «Врата Европы», что у Киевской Руси нет «дня рождения», но есть точная «дата смерти» — 1240 г., когда монголы взяли Киев. Я бы предложил следующее решение: классическая Древняя Русь — это период до начала XIII в., затем время «кризиса Средневековой Руси», охватившего весь XIII в. (по терминологии английского исследователя Джона Феннела, мне очень близка его позиция), и период «Древней Руси после Древней Руси» (здесь я позволю себе сослаться на предложенное мной наименование) до начала XVI в., когда политическое единство Руси уже распалось, но древнерусское наследие еще не потеряло своей актуальности, а параллельно с ним шло развитие тех новых культурных, национальных и государственных реалий, которые сформировали современный облик Восточной Европы. Все эти три периода вместе я определяю как время существования Средневековой Руси.

А. В. Кузьмин: Вы считаете, что после Древней Руси процессы возрождения государственности и культуры — это начало XV в.? А почему, например, не конец XV в.? Объясню свою позицию: конец XIV в. в культурном плане является неким феноменом для населения восточнославянских земель, когда оно возрождает свой интерес к киевскому наследию. Его яркий признак — активное переписывание книжных памятников домонгольской Руси. А если обратиться к концу XV в., то мы заметим такую же ситуацию, только в больших масштабах. Кроме того, есть понятие — демография. Она может отражаться в разных смыслах: в культурном, — например, переписывание и миграция книжных памятников, идеологическом — перенесение политических идей, а также переселение людей; и иногда эти смыслы не совпадают. Ведь кто является наследником правителей Древней Руси: Великий князь Владимирский и Московский или Великий князь Литовский и Русский? Кроме того, нельзя упускать из виду то обстоятельство, что последнее масштабное переселение военно-служилой знати — это рубеж XV – начало XVI вв. Поэтому может быть, все-таки имеет смысл перенести эту границу немного позднее?

А. В. Мартынюк: Я думал над этим вопросом и считаю, что сложно (и, вероятно, нецелесообразно) проводить резкую хронологическую границу. Для меня эпохой перехода к новым реалиям является период конца XV – первой половины XVI в., прежде всего потому, что в это время исчезла ситуация полицентричной государственности восточнославянских земель. Исчезли как государственные образования Новгород, Тверь, Рязань и другие княжества Северо-Восточной Руси, утратили остатки своей государственной самобытности земли в составе Великого княжества Литовского (Полоцк, Киев и др.) и Польского королевства (земли «Русского воеводства»). К середине XVI в. на политической арене Восточной Европы осталось два больших игрока: Царство Московское и Речь Посполитая, это было завершением «постдревнерусской» эпохи в государственно-политическом плане. Древняя Русь ушла в прошлое, появились новые центры силы, которые вплоть до эпохи модерна определяли политическую жизнь региона.

Михаил Владимирович Дмитриев: Вы в своем выступлении не затронули достаточно острую тему о соотношении понятий «Восточная Европа» и «Центрально-Восточная Европа». И я хотел бы для пользы нашей дискуссии уточнить: по Вашему мнению, что делать с понятиями «Восточная Европа» и «Центрально-Восточная Европа»?

А. В. Мартынюк: К сожалению, я сегодня не дам на него ответа. Я ограничился семью дискурсами, однако сейчас я вижу по меньшей мере еще два, восьмой и девятый: хронологический и цивилизационный. Пока я оперирую понятием «Восточная Европа», соотнося его и ставя знак равенства между ним и восточнославянским миром.

Александр Ильич Филюшкин: Все это достаточно сложно. Вспоминается книга Ларри Вульфа «Изобретая Восточную Европу», где он пишет, что Восточная Европа изобретена в эпоху Просвещения, и именно путешественники XVIII в. создали этот концепт. Он анализирует отдельные топосы — образ русских как покорного коня, который не знает своей силы, образ русских женщин, стереотипы русского пьянства и рабства. Но все эти топосы мы можем точно так же обнаружить в текстах XVI века. А тогда вопрос — когда же формируется концепт Восточной Европы? Когда возникает представление об этих землях как об особом регионе, отличном от остальной Европы — пусть и без употребления термина «Восточная Европа»?

М. В. Дмитриев: Во-первых, в том, что сказал Алексей Викторович, особенно важна неожиданная идея «византинизации» истории Восточной Европы, потому что это отличное напоминание о том, что в истории существуют определенные реалии, которые, действительно, невозможно «расташить на национальные квартиры». Конечно, существует греческая историографическая традиция, согласно которой, Греция — это наследница Византии, но все прекрасно понимают, что Греция никак не наследница Византии. Византия — отдельный мир сам по себе. Также невозможно сказать, что древний Рим — предшественник современной Италии. Древний Рим и Римская империя — тоже отдельный мир сам по себе. И идея взглянуть на историю Восточной Европы как историю единого пространства, которое не подлежит национальному дроблению, потому что это будет всегда анахронизмом (а анахронизм — самый главный грех историка!) — эта идея кажется мне очень важной и ценной.

Второй пункт, о котором я хотел бы сказать. Что такой подход может означать в прагматическом плане: как нам необходимо преподавать историю восточноевропейского

региона? Ведь нам нужно так или иначе обобщать те данные, которые накоплены в «национальных» историографиях. Лично я выхожу из этого затруднения, объясняя, что нам не подходят ни понятие «история России (Руси)», ни «польская история», ни «польско-литовская история», ни «история Украины», которая до 1918 г. отделялась бы от «истории Белоруссии», а в Средние века — от «истории Руси». Все эти категории, которые сконструированы под сильным влиянием национализма XIX в. (слово «национализм» я употребляю в аксиологически нейтральном смысле, как слово *nationalism* в английском языке), имеют в высшей степени отдаленное отношение к реальным разграничениям внутри восточноевропейского пространства. Поэтому-то в преподавательской практике я подчеркиваю, что мы имеем дело с географическим, «просто физическим» пространством, а не с тем, что оно, якобы, распадается на «национальные» территории. Давайте договоримся, что физическим пространством Восточной Европы мы называем пространство от Урала до Одера, например, и от Черного моря до Балтики. Пространство мы условно обозначаем термином «Восточная» Европа, потому что как-то иначе средствами нашего языка его не назвать. Мы же не можем каждый раз, упоминая этот регион или его часть, говорить, например, что это территория на такой-то широте и такой-то долготе. Таким образом, вместо национальных «квартир» мы имеем дело с реальностью общего пространства, где возникают те или иные политические образования. Поэтому я бы предложил, что бороться с искушениями XIX в., в плену которых мы находимся, нужно констатацией, что Восточную Европу образует пространство, а не сумма «национальных» историй. Вот горы Урала сложились геологически, и поэтому они «объективно» существуют, так же как существуют «объективно» Балтийское и Черное море... А существовали ли «объективно» нации Восточной Европы (до XX в.) — большой вопрос...

Кстати, в наших устоявшихся представлениях о Восточной Европе есть еще одно затруднение. Нужно припомнить, какой история этого пространства видится коллегами из Татарской академии наук в Казани или Башкирской академией наук в Уфе... Иными словами, абсолютно нельзя исключать из пространства Восточной Европы этот волгоуральский простор.

А третий пункт, о котором я хотел бы сказать, заключается в следующем. Алексей Викторович поставил в один ряд Фукуяму, Тютчева, Ассман и даже Ломоносова, хотя Ломоносов, конечно, с изучением истории был связан чуть больше, чем Тютчев, который к историкам отношения не имел... Но имя Тютчева упомянуто, тем не менее, очень кстати... Алексей Викторович прав, что Тютчев ошибался, и сейчас мы все преодолеваем установку, выраженную его знаменитой фразой: «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить». Но с другой стороны, проблема, стоящая за фразой Тютчева, остается. Шла ли Россия особым путем внутри Восточной Европы? Внутри Европы? Вне Европы? Совсем недавно я познакомился с очередной книгой, посвященной теме «особого пути»², и судя по тому, что часто теперь пишется, и по тому, что я прочел

² Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержание, последствия / Под ред. Э. А. Паина. М., 2010. — См. также, например: *Ostrovski D. A Methahistorical Analysis: Hayden White and Four Narratives of «Russian History» // CLIO: A Journal of Literature, History and the Philosophy of History. 1990. Spring. Vol. 19. No. 3. P. 215–236; Dukes P. World Order in History. Russia and the West. London; New York, 1996; Emmons T. On the problem of Russia's «Separate Path» in Late Imperial Historiography // Historiography of Imperial Russia.*

в этой книге, многие наши коллеги не любят идею и концепцию «особого пути» Руси и России³. Характерно, что эта тема возникла и в моей краткой дискуссии с нашим ныне гарвардским коллегой Сергеем Николаевичем Плохием по поводу книги «Ukraine and Russia and their historical encounter»⁴. Украинские коллеги в свое время попросили меня написать рецензионную статью на эту книгу, что я и сделал⁵, а Сергей Николаевич не согласился, и в своей полемической статье упомянул и фразу Тютчева как передающую миф о «непонятности» России⁶... Кто из нас прав в вопросе об историческом переплетении судеб России и Украины, теперь уже не так важно, но я бы настаивал на следующем: не то чтобы Тютчев прав в том, что «умом Россию не понять», но вот «общий аршин» тут, кажется, в самом деле не слишком помогает... Кажется, что в самом деле есть что-то типологически особое в этом самом пространстве между Вислой и Уралом, которое мы называем Русью и Россией... И если бы мы сказали, что «общий аршин» при изучении этой части Восточной Европы вполне подходит, мы бы ошиблись и очень многим пожертвовали бы и в наших университетских курсах, и в наших исследованиях. Чем именно мы пожертвовали бы?

Сегодня уже звучал неотвратимый вопрос о цивилизационных критериях при обращении к истории Восточной Европы, и мне кажется, что все-таки никак невозможно отказываться от тезиса, что существуют разные типы общественного развития, а не только деление обществ на «передовые» и «отсталые»... Тут я согласен с профессором Поповичем, что «общего Средневековья» не существует, и, соответственно, вопрос о том, как нам в пространстве Восточной Европы идентифицировать разные типы развития — это невероятно важный вопрос.

Во-первых, мы должны делать это в исследованиях. И для выявления этой типологии мы должны найти какие-нибудь критерии в области, скажем, религиозно-культурной, социально-экономической, политических институтов. Во-вторых, о типах развития восточноевропейских обществ нужно говорить в наших курсах. И тут возникают острые вопросы, которые обойти мы не можем. Например, вопрос о воздействии золотоордынского ига на развитие Руси, который постоянно звучит во всех дискуссиях на тему «Россия и Европа» уже 200 лет... А если в дискуссию включаются талантливые и «высокотиражные» писатели, вроде нашего замечательного автора Бориса Акунина, который выпускает — том за томом, в прекрасном полиграфическом исполнении и большим

The Profession and Writing of History in a Multinational State / Ed. by T. Sanders. New York, 1999. P. 163–187. — Все это — отголоски тех споров, которые начались уже очень давно (их обзор был дан еще в 1955 г.: *Sarkisyanz E. Russland und der Messianismus des Ostens. Sendungsbewusstseins und politischer Chiliasmus des Ostens. Tübingen, 1955*).

³ Один из последних примеров — книга Д. Я. Травина (*Травин Д. Я. «Особый путь» России. От Достоевского до Кончаловского. СПб., 2018*) и дискуссии вокруг нее.

⁴ *Ukraine and Russia in Their Historical Encounter* / Ed. by P. J. Potichnyj, M. Raeff, J. Pelenski, G. N. Zekulin. Edmonton, 1992.

⁵ *Dmitriev M. Ukraine and Russia. About the book: «Ukraine and Russia in Their Historical Encounter» // Canadian Slavonic Papers / Revue canadienne des slavistes. XXXV (1993). No. 1–2 (March–June 1993). P. 131–147.*

⁶ *Plochy S. M. Ukraine and Russia in Their Historical Encounter (Remarks on Mikhail Dmitriev's Review) // Canadian Slavonic Papers / Revue canadienne des slavistes. XXXV (1993). No. 3–4 (September–December 1993). P. 335–344 (цитата из Тютчева — с. 343).*

тиражом — «Историю Руси», вопрос становится жгучим... Потом эта тема выносится в YouTube: тут можно посмотреть, например, дискуссию между Сергеем Гуриевым и Борисом Акуниным... Из происходящего в уютном лондонском ресторане разговора двух эмигрантов, любителей истории, как и из самой публицистической книги Б. Акунина, вытекает (в энный за 200 лет раз), что главная беда России заключается в том, что она была улусом Золотой Орды, и наши сегодняшние черты развития есть продолжение воздействия на современную Россию созданной игом матрицы... Тезис очень архаичен и многократно критично рассмотрен в научных исследованиях⁷. Благодаря этим исследованиям мы более или менее хорошо знаем, в чем именно сказалось влияние Орды на Русь, а где его или не было вовсе, или оно было очень слабым. И, по скольконибудь строгому счету, ни правовая культура, ни деспотическое самодержавие, ни «челобитье», «холопство» и рабование, ни «властелинство» и «антигуманизм»⁸ с игом никак не связаны, а некоторые из этих понятий в высшей степени неясны, если не нелепы. Но, так или иначе, данную проблематику в нашей университетской практике никак не «объехать», и необходимо уметь показать, какое место «на самом деле» занимает степная традиция в истории Восточной Европы. Даже университетские ответы на эти вопросы, увы, вовсе не всегда ориентируются на научные данные. По некоторым внеакадемическим причинам наши коллеги, например, из Уфы, Казани, Баку или Львова иногда игнорируют то, что на самом деле понято и известно... Но проблему необходимо поставить, и подход к ней непременно соотнести с тем, о чем говорили Алексей Викторович и Михаил Попович.

Была все-таки или нет византийская традиция матрицей для политических институтов, политической и религиозно-культурной модели развития Руси и России? Если нам не нравится понятие «византийская традиция», то православно-христианская традиция — была ли она основой и для древнерусских идеологических норм, будучи фундаментом мира церкви (*ecclesia*) рядом с миром *dominium* (государства)? Можно ли отвернуться от этого очевидно-необходимого вопроса, говоря о «восточнославянском» опыте восточноевропейской истории?

И я не согласен с тем, что с Тютчевым надо бы расстаться как с романтиком, далеким от исторических штудий. Дело не в Тютчеве, а в том, что есть-таки типология развития. И когда мы решаем вопрос о том, как писать и преподавать историю Восточной Европы,

⁷ См., например: *Кучкин В. А.* Русь под игом: как это было? М., 1991; *Котляров Д. А.* Русь и Поволжье: Этнополитическое взаимодействие (XIV–XVI вв.) // Долгов В. В., Котляров Д. А., Кривошеев Ю. В., Пузанов В. В. Формирование российской государственности: разнообразие взаимодействий «центр – периферия» (этнокультурный и социально-политический аспекты). Екатеринбург, 2003. С. 291–404; *Горский А. А.* Средневековая Русь. О чем говорят источники. М., 2016 (книга посвящена ряду мифов об истории России; ряд очерков касается отношений русских княжеств с Ордой); *Hartog L.* Russia and the Mongol Yoke. The history of the Russian Principalities and the Golden Horde, 1221–1502. London; New York, 1996; *Ostrowski D.* Muscovy and the Mongols. Cross-cultural Influences on the Steppe Frontier, 1304–1589. Cambridge, 1998; *Khodarkovsky M.* «Third Rome» or a Tributary State? A View of Moscow from the Steppe // *Die Geschichte Russlands im 16. und 17. Jahrhundert aus der Perspektive seiner Regionen.* Wiesbaden, 2004. P. 363–374.

⁸ Примеров такого рода публицистических рассуждений можно привести очень много. Ограничимся одним: *Яковенко И. Г.* Россия и репрессия: репрессивная компонента отечественной культуры. М., 2011.

мы должны тем или иным образом решить вопрос о типе общественного развития тех ее регионов, где господствовала православная культура. Тут даже необязательно вспоминать о двадцати двух цивилизациях в классификации А. Тойнби и сокращении потом их числа до семи или до двенадцати. Но обязательно признать «реальность» того факта, что между Вислой и Уралом встретились типологически разные традиции — западная («латинская»), византийско-православная или кочевая. Так же, как нельзя рассматривать вне византийской матрицы историю Болгарии, Сербии и молдо-валашского региона. Соответственно, ничто не мешает использовать интуицию Тютчева как толчок, для того, чтобы понять в какой степени он был прав или не прав в своих поэтических представлениях. И, в конце концов, он признался, что ему самому Россия была не понятна, потому что значительную часть жизни он провел в Германии и Италии, и немецкая и французская языковая стихия была для него столь же родной, как и русская...

Говоря об еще одном пункте моего выступления, хочу напомнить вам об «экзотичности» самого названия кафедры «истории западных и южных славян», которую я имею удовольствие и честь представлять. Я убежден, что нам давно нужно было бы поменять не только название, но и сами установки в преподавании истории соответствующего региона в МГУ и других университетах. Ведь очевидно, что историю «славян» Европы никак не отделить от истории не-славян... Есть история Восточной Европы, есть история Центральной Европы, есть, может быть, и история Центрально-Восточной Европы, есть, наконец, история Юго-Восточной Европы. Это история и славян, и греков, и будущих румын, и албанцев, и немцев, и евреев, и литовцев. Вырывать «славян» из этого контекста — это бесспорный нонсенс. Но, тем не менее, мы продолжаем преподавать на всех истафаках страны «историю западных и южных славян». То же самое касается и истории взятой отдельно истории Восточной Европы. Неужели из истории Восточной Европы мы с легкостью можем выделить историю славян? Ведь это совершенно невозможно... Удастся ли переспорить тех, кто считает, что нам необходимо отойти от этих этнических маркеров?

И последнее, о чем я хотел бы сказать — об упомянутом Фрэнсисе Фукуяме. Мне очень понравилось смелое перефразирование Алексея Викторовича: «Если история закончилась, то все позволено». И здесь я бы обратил внимание, имея в виду и Восточную Европу, на следующую вещь: сейчас благодаря Интернету (и, особенно, YouTube) можно видеть и слышать бесчисленное множество выступлений Фукуямы. Важно иметь также в виду, что в тот момент, когда он написал свою статью о «конце истории» (а потом и соответствующую книгу⁹), он работал в госдепартаменте и для госдепартамента США, и у него доминировало определенное политологическое и политическое видение того, для чего нужно изучать историю и в какой момент она может «остановиться» на триумфе рынка и либеральной демократии. А сейчас, обратите внимание, он в каком-то смысле «кается» и оправдывается, признавая, что история на обозначенном рубеже не кончилась. А как проблема может быть спроецирована на историю Восточной Европы, от Средних веков до XX в.? Что значит, что история Восточной Европы не «закончилась» на рынке и демократии? Тут я даже позволю себе нарочитое небольшое обострение... Я с огромным огорчением смотрю на то, что сейчас происходит в Польше и в польской университетской и академической жизни, которая,

⁹ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2015. — Первое издание этой книги на англ. языке вышло в 1992 г.

конечно, течет самостоятельно и независимо, но, однако, вовсе не без оглядки на правительство и партию «Право и справедливость». Политический же класс новой Польши огорчает еще больше, чем польская *academia*... И тогда я спрашиваю себя: в каком времени находится Польша с ее идеологией и риторикой, если смотреть с точки зрения Фукуямы? Это время, когда история закончилась? Или время, когда история, продолжаясь, поворачивает вспять? Нынешняя история Польши — это история XXI века? Или — XX столетия? А не возвращается ли Польша в некоторых отношениях (особенно если присмотреться к современному польскому национализму) в XIX век? Как бы то ни было, становится ясно, что в Восточно-Центральной Европе есть пласты современной и вовсе не современной политической культуры...

И тот же самый вопрос нужно ставить в связи с тем, что происходит теперь в Украине и, отчасти, в Белоруссии. Возьмем хотя бы «политику управления памятью». Ведь когда начинается форматирование памяти сверху в университетах, в СМИ, в среднем образовании, в распределении грантов по особым критериям, оказывается, что «все позволено», если признать, что история должна кончиться в одной либерально-рыночной точке. Я же говорю, что история не кончилась, а история повернула вспять. Мне кажется, что, как и в случае Ф. И. Тютчева, идеи Фукуямы нужно брать как точку отсчета, и то, что он говорит и пишет сейчас, корректируя старые взгляды, намного интереснее, чем то, что он постулировал в статье и книге о «конце истории». Как и многие, автор столь невероятно влиятельной политологической концепции признается в растерянности, глядя на опыт последних тридцати лет — в Восточной Европе, в частности... Тридцать лет самой «свежей» истории нашего региона обнажают остроту проблемы, которая поставлена Алексеем Викторовичем и другими коллегами.

Суммируя, скажу: мне кажется, что историю Восточной Европы нужно бы (в идеале!) представлять в нейтральных координатах пространств, а не этносов и наций. Во-вторых, оттолкнувшись, например, от Тютчева — как романтика, с одной стороны, и Фукуямы — как политолога и прагматика, с другой стороны, нужно увидеть и показать, что разные типологии исторического развития сошлись на просторе Восточной Европы. Наконец, очень важно было бы суметь показать в наших аудиториях, что в истории Восточной Европы определенным образом соотносятся очень малоподвижные и глубинные структуры большой длительности, подводные конъюнктуры средней длительности и, наконец, событийная надводная «рябь» событий¹⁰. Это, наверное, даст ключ к пониманию зигзагов и метаний в современной истории Польши, России, Белоруссии, Прибалтики...

Мирослав Даниш: Хотелось бы в этом контексте сказать несколько слов о подходах к исследованию истории Восточной Европы в словацкой и чешской историографии. Словацкая историография имеет особо близкое отношение к проблемике Восточной Европы уже с XIX в., когда зарождалась словацкая национальность в виде национального возрождения и идеи национальной государственности. Она выросла на базисе славянской взаимности и межславянской поддержки, хоть в тот период и была составной частью «латинской» Центрально-Западной Европы. Тяготение к славянству и России было важным моментом ее общественной и политической концепции. Эта традиция

¹⁰ Я имею в виду, конечно же, знаменитые «ритмы Броделя» (*Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории / Под ред. И. С. Кона. М., 1977. С. 115–142*).

сохранилась и до XX столетия. Межвоенная словацкая и чешская историография рассматривала проблематику истории России и Восточной Европы в основном через призму событий, происходивших в Европе после Первой мировой войны и революции в России в 1917 г. Только узкий круг словацких (и чешских) историков изучал русскую и восточноевропейскую историю на профессиональной основе (например, Й. Йирасек, Й. Шкултеги, Я. Бидло, Ф. Тихи, Я. Славик, З. Гаек, Й. Мацурек, Л. Нидерле). После 1918 г. к ним присоединилась многочисленная группа профессиональных, прежде всего, русских и украинских историков-эмигрантов, которые у себя дома представляли несколько известных исторических школ, опирающихся на традиции русской историографии XIX в. (выдающиеся представители, прежде всего, московской, петроградской и киевской исторической школы: Е. Шмурло, Н. П. Кондаков, В. А. Мякотин, А. Флоровский, Н. В. Ястребов, В. А. Францев, П. Н. Милуков, Д. Дорошенко, Е. Перфецкий и другие). Они стали, по сути, влиятельной частью профессионального сообщества, и в большинстве случаев их хорошо принимали, поскольку при качественной профессиональной аргументации они подходили к интерпретации истории с приемлемых для словацкой и чешской межвоенной историографии позиций критического восприятия наступающей марксистской советской научной реальности. Именно эмигрантской исторической наукой были подняты и рассмотрены темы событий, происходивших с древнейших времен до недавнего прошлого, на основании более ранних исследований в России. В том числе и благодаря им наша историография и изучение истории России и Восточной Европы стали частью более широкого европейского научного интереса. Многие русские и украинские ученые стали выдающимися представителями сферы нашего высшего образования (как пример можем привести, прежде всего, деятельность Евгения Перфецкого¹¹ в братиславском Университете Коменского, заложившего традицию преподавания истории Восточной Европы в Словакии, которая сохранилась и по сей день.). В 1935 г., после избрания Е. Перфецкого профессором, среди преподавательского состава Философского факультета Университета Коменского возникла полемика о содержательном наполнении лекций по восточноевропейской

¹¹ Е. Перфецкий родился 11 апреля 1888 г. в Носове Холмской губернии (в то время занятая Россией часть польской Украины). Происходил из семьи православного священника. Окончив классическую гимназию в Седлеце в 1908 г., изучал историю в Петербургском университете под руководством А. А. Шахматова и А. Ф. Платонова (русская история), а также П. А. Лаврова и Н. В. Ястребова (история славян). В ходе обучения предпринял несколько поездок по Холмской области (1909) и Архангельской губернии (1912), по материалам которых написал свои первые научные работы (Особенности малороссийской пивничной Холмщины и Полися, Бытовые языческие черты в свадебных обрядах русского населения Архангельской губернии. Архангельск, 1912). По окончании университета в 1912 г. продолжал образование как стипендиат Славянского отделения Петербургской академии наук в Венском университете (проф. В. Ягич, К. Иречек, О. Редлих). После защиты магистерской диссертации в 1919 г. получил место доцента русской истории в Киевском университете (получил ученое звание доцента 02.09.1919 г.). Здесь он преподавал в 1919/20 и 1920/21 учебных годах. После закрытия Киевского университета в 1921 г. эмигрировал в Чехословакию. В этом же году он получил приглашение в братиславский университет (по рекомендации профессоров В. Ягича и Л. Нидерле). После переезда в Братиславу пользовался поддержкой Комитета, который занимался эмигрантами в Словакии. В 1939 г. был назначен экстраординарным профессором Философского факультета Университета Коменского.

истории. В этом споре победила превалирующая в преподавательском составе позиция, представителями которой были профессора В. Халоупецки и Й. Рышанек, что «под восточноевропейской историей нужно понимать прежде всего историю России». Этому противостоял подход профессора Д. Рапанта, который включал в нее также историю Польши и южных славян. Точка зрения Д. Рапанта совпадала с представлениями профессоров Я. Бидло и Н. В. Ястребова из пражского университета, которые включали туда еще и неславянские народы. В позиции профессоров Философского факультета Университета Коменского преобладал политический подход о разделении понятий «Восточная Европа» (то есть Россия) и «славянство», и это привело Е. Перфецкого к тому, что после окончания курса истории славянства он начал новый курс под названием «История Восточной Европы и Балканского полуострова». Эта полемика выразилась и в формальном вычленении отделения славянской истории в рамках Исторического семинара в 1940 г., во главе которого стоял до самой своей смерти Е. Перфецкий.

В ходе образовательного процесса появилось несколько учебных пособий по истории России и Восточной Европы, которые стали историографическим фундаментом для создания учебников словацкими и чешскими преподавателями вузов.

С давних времен сохранялся интерес исторической общественности к темам словацко-русских и чешско-русских отношений. Нарастал интерес к проблематике словацко-украинских и чешско-украинских связей, прежде всего в контексте присоединения Подкарпатской Руси к ЧСР в межвоенный период. К наиболее известным историкам в указанной области в межвоенный период относились, в первую очередь, В. Халоупецки, А. Петров и Е. Перфецкий.

Чаще всего в словацкой и чешской историографии в межвоенный период интерпретировались темы русской революции 1917 г. и дальнейшие события в советской России. Они были очень интересны и с точки зрения деятельности чехословацких легионов в России, которые привнесли в нашу историческую науку (и не только науку) стремление к объективности и поиску ответов на самые разные вопросы и происходившие в то время процессы. Изучение истории в межвоенный период в большинстве своем представляло собой интерпретацию рассказов очевидцев и прямых участников событий. До сих пор они представляют собой неоценимое богатство как источники для изучения данной проблематики. Проблемой межвоенной историографии в части исторического развития в России после 1917 г. была, прежде всего, интерпретация, поскольку интерпретационных подходов было несколько, причем они часто модифицировались в зависимости от политики ЧСР в отношении советской России в конкретный период. Например, после 1935 г., когда заметно изменилась позиция ЧСР в отношении к СССР, во многих статьях (в основном политолого-исторических) отмечается смягчение негативной риторики ко всему, что происходило в СССР. В 30-х гг. более умеренно в отношении исторического развития России после 1917 г. высказывалась и эмигрантская историография, которая к тому моменту уже потеряла надежду на возможный возврат к прошлому. Интерпретационное содержание межвоенной словацкой и чешской историографии требует более подробного изучения.

После Второй мировой войны Чехословакия вошла в состав стран так называемого «восточного социалистического блока», и история Восточной Европы стала восприниматься гораздо шире географически и политически. Благодаря сильной межвоенной историографической традиции история России и Восточной Европы до конца XIX в.

изучается в Словакии и Чехии в более позитивистическом духе, чем история СССР (благодаря таким историкам, как Й. Мацоурек, Л. Гараксим, Л. Гавлик, А. Авенариус, Прохазка, Микулка, Бочек, Беранова, В. Матула).

Словацкая историография после распада Чехословакии стала благодаря возникновению новых университетов, научных исследовательских центров в рамках Академии наук и других научных институций гораздо шире и свободнее подходить к исследованию истории Восточной Европы. Конечно, в ней появляются новые тенденции и подходы, которые исходят или из исторического традиционализма славянской взаимности, или из концептов новой политической реальности. Научный концепт Восточной Европы разработан словацкой и чешской историографией первой половины XX в., и в современной исторической науке является одним из главных концептов, исходящих из серьезного архивного исследования и интерпретации исторических фактов, включая новые методологические подходы.

А. В. Кузьмин: Мне представляется, что Восточная Европа по-прежнему являет собой весьма перспективный объект комплексного исследования. Нельзя не признать, что изучение истории Восточной Европы и использование ее странами византийского наследия уже имеет свою устоявшуюся традицию. Однако при этом нельзя не заметить, что в сравнении с огромным числом монографий, изданий источников и прочего нарратива по истории Западной Европы познание прошлого Восточной Европы в эпоху Средневековья выглядит значительно скромнее, хотя и представляет не меньший интерес. Наиболее сложно определить западные границы Восточной Европы. Где они проходят?

Совершенно очевидно, что политические и географические границы Восточной Европы далеко не всегда будут совпадать, да и вообще сама эта граница на многих своих участках будет иметь определенные зазоры (так называемые контактные зоны) под влиянием различных событий прошлого. Важно учитывать, что в культурно-историческом плане Западная Европа сложилась гораздо раньше Восточной. Во многом это связано с тем, что на ее территории значительно слабее было влияние античной политической, правовой и культурной традиции, а христианизация славянских народов произошла гораздо позднее (причем она шла не только из Рима, но и из Константинополя), чем среди романо-германских и кельтских народов. Эти причины в большей степени сближают страны Восточной Европы со странами скандинавского круга, чем со странами Западной Европы.

Наиболее верным видится определение политической границы государств Восточной Европы на западном направлении. Возьмем, например, историю, связанную с чешским королем и австрийским герцогом Пржемыслом Оттокар II (1230–1278). Этот выдающийся политик и полководец многие годы претендовал на то, чтобы стать императором «Священной Римской империи». Благодаря своим династическим связям в нескольких поколениях и владениям в Германии, король Пржемыслав Оттокар II, участник двух крестовых походов в Пруссию, покровитель Тевтонского Ордена и основатель Кёнигсберга, искренне полагал, что имеет на это полное право. Однако его многолетние старания к 1273 г. рухнули, так как в глазах немецкой аристократии правитель Чехии и Австрии все равно имел один, но очень существенный недостаток. Он не был германцем по мужской линии! Этот «кизьян» в происхождении перетягивал все политические, военные, религиозные и культурные заслуги короля Пржемыслава Оттокара II перед князьями «Священной Римской империи», которые не могли представить себе во главе западноевропейского

объединения славянина. Поэтому неудивительной выглядит ответная культурная реакция при дворах правителей Венгрии и Чехи, где в конце XIII – начале XIV в. происходит ренессанс моды соответственно на половецкие и русские традиции.

Этот маркер в оппозиции «свой — чужой» среди правителей католической Европы представляется очень важным, так как этим он принципиально отличается от традиций Византийской империи, в которой вопрос об этническом происхождении претендентов на императорские регалии власти никогда так остро не стоял. Этот маркер начнет стираться только в конце эпохи Средневековья и в начале Нового времени, когда, например, во время проведения Констанцского собора (1414–1418) чехи уже будут относиться к числу народов «Германской нации». В последней трети XIV–XVI вв. аналогичную запоздалую политическую и культурную легитимацию в Западной Европе можно увидеть в судьбе правителей поморян и поляков.

Противоположная по направлению граница Восточной Европы не вызывает сомнений. Она идеальной совпадает с географической и маркирует культурную особенность и отличия населения Западной Европы от Восточной. Так, например, если страны Западной Европы традиционно испытывали различные восточные влияния через юг (точнее — Средиземноморье), то в странах Восточной Европы уже смешивались культурные потоки не только из Малой Азии, Ближнего Востока и Кавказа, но и всей Северной и Центральной Евразии в целом. Прежде всего, это касалось населения земель восточных и южных славян, испытавших определенное влияние нескольких волн различных традиций не только Византийской империи, но и тюркских, и угорских народов (аваров, болгар, хазар, венгров, печенегов, гузов, половцев, монголов).

Стирание политических и культурных граней между правителями Западной и Восточной Европы происходит только в XIV в. после угасания ряда династий (например, как Арпадов в Венгрии) или уход их наследников на второ- или третьестепенное положение в тех государствах, где они исторически ранее играли главную роль (например, Пржемыслидов — в Чехии и Силезии, Пястов — в Малой и Великой Польше, Поморье и Силезии, а западнорусских Рюриковичей — в Великом княжестве Литовском). Теперь здесь тесная связь местных правителей из новых правящих династий с народами Южной Европы стала определяться не только устоявшимися экономическими и культурными отношениями, но и общими политическими интересами, которые с середины XIV в. были направлены на совместное отражение османской экспансии в Подунавье и на Балканах. Последний фактор весьма интересен, поскольку очевидно, что в данном случае катализатором для сложения не всегда удачного военного единства правителей стран Западной Европы, западных и южных славян, а также Венгрии, Молдавии, Валахии и Великого княжества Литовского оказываются турки-османы. В XV–XVII вв. умелые дипломатические действия правителей Оттоманской империи в борьбе против них неоднократно нарушают единство правителей Западной и Восточной Европы.

История стран Восточной Европы в эпоху Средневековья и Новое время, несомненно, требует нового осмысления и обобщения.

Анти Селарт: Можно ли выделить в прошлом «естественные» исторические зоны, или все они придуманы историками и политиками? Как следует определять их, разделять между собой? Локализация «исторических районов» в некоторых случаях полезна для исследований, а иногда препятствует им. Например, печальным

фактом является то, что основные исследования по Средневековой Европе нередко оставляют без внимания регионы восточнее Эльбы (или, еще хуже, «к востоку от Рейна»)¹². Все еще актуальным остается наследие холодной войны, когда Восточную Европу приравнивали к «Восточному блоку», при этом Прага принадлежала «Востоку», а Вена – «Западу». Попытка проводить границы исторических регионов с помощью морей и рек также априори неудачна: в истории реки и моря выступали средством коммуникации, связи между народами, а не их разделения.

Дискуссии о принадлежности Древней Руси, я думаю, во многом тоже являются наследием прошлого, двадцатого, века. Тем не менее, есть еще одно объективное обстоятельство, связанное с повседневной работой историков — язык источников. Среднестатистический исследователь Руси не обучен латинским и другим средневековым языкам, и немногие историки средневековой «латинской» Европы способны читать старые кириллические тексты. Марина Бессуднова отметила, что в советской системе исторических исследований страны Прибалтики принадлежали к сфере «Истории СССР», где основной упор делался на изучении русистики. Но поскольку источники по средневековой истории Ливонии, в большинстве, написаны на нижненемецком и латинском языках, очень мало ученых в Советском Союзе (за пределами Эстонии и Латвии) могли их использовать — у них просто не было достаточных навыков¹³. Недавняя работа Павла Лукина показала, насколько полезными для изучения внутренней истории Новгорода являются ганзейские и ливонские документы, обычно игнорируемые российскими историками¹⁴. Кристиан Раффенспергер постоянно выступает за отказ от традиционной дифференциации «Древней Руси» и «Латинской» Европы¹⁵. В действительности, значение имеет даже простая языковая традиция: в средневековых латинских текстах используется только одно общепринятое слово *rex*, но в современном английском языке оно переводится по-разному — *prince* для Руси / России, *duke* для Литвы и *king* для Венгрии.

Особая связь между территорией и политикой была очевидна в Советском Союзе. В советское время в Эстонии существовала шутка о книгах, которые скоро будут изданы: «Eesti NSV roomajad» и «Eesti NSV pugejad» — «Рептилии (или: Пресмыкающиеся) Эстонской ССР» и «Подхалимы Эстонской ССР». Справочник под названием «Млекопитающие Эстонской ССР» действительно существовал¹⁶. Книги по истории региона назывались «История Эстонской ССР с древнейших времен»¹⁷. Просто «Эстония» в глазах советских цензоров латентно намекала на независимость страны и была политически опасной. Вопрос о «Древней Руси» в историографии тоже является вопросом политической преемственности и размежевания. Российская традиция

¹² *Raffensperger Ch.* Reimagining Europe: An Outsider Looks at the Medieval East-West Divide // *The medieval networks in East Central Europe: commerce, contacts, communication / Ed. by V. Nagy et al.* London, 2019. P. 11–24.

¹³ *Бессуднова М. Б.* Россия и Ливония в конце XV века. Истоки конфликта. М., 2015. С. 43–44.

¹⁴ *Лукин П. В.* Новгородское вече. М., 2014.

¹⁵ *Raffensperger Ch.* Reimagining Europe: Kievan Rus' in the Medieval World, 988–1146. Cambridge, Mass., 2012.

¹⁶ *Aul J., Ling H., Paaver K.* Eesti NSV imetajad. Tallinn, 1957.

¹⁷ См., например: *История Эстонской ССР (с древнейших времен до наших дней) / Ред. Г. И. Наан.* Таллин, 1958.

исторической преемственности между Киевом и Москвой — своего рода *translatio imperii* — изначально была династической. Под влиянием раннего Московского летописания эта идея становится частью современного Российского историописания. Она трансформировалась в представления о нации (нациях) и национальном наследии. Хочется надеяться, что это в скором времени будет переосмыслено. Вопрос о том, был ли Карл Великий немецким или французским, сегодня звучит абсурдно для профессионального медиевиста. Хотя менее века назад это еще было серьезным предметом дискуссий.

Попытки создать «украинское» или «белорусское» средневековье вполне правомерны, по аналогии, например, со «средневековой Бельгией» или «средневековой Словакией». Важно то, как эта история будет написана. Общим, соединяющим историков разных стран, должен быть профессионализм, а не область исследований, научный подход и терминология. Профессиональные исторические исследования не могут служить политическим интересам. Согласно определению, дисциплинарный консенсус, основанный на знаниях, может родиться, когда научное сообщество свободно от внешнего давления, профессионально неоднородно и достаточно велико, включает людей, которые рассредоточены и географически, и институционально¹⁸.

Патрик Гири писал, что «the names of peoples were thus less descriptions than claims — claims for unity under leaders who hoped to monopolize and to embody the traditions associated with these names»¹⁹ [«наименования народов были не столько их описанием, сколько заявлениями — заявкой на объединение под руководством лидеров, надеявшихся монополизировать и олицетворять традиции, связанные с этими названиями»], и что «myths of common descent and a shared history, myths molded less by indigenous oral tradition than by classical ideas of peoplehood, masked the radical discontinuity and heterogeneity»²⁰ [«мифы об общем происхождении и общей истории, мифы, сформированные в меньшей степени местными устными традициями, и в большей — классическими представлениями о народности, маскировали принципиальную неоднородность и гетерогенность»]. Это было написано о раннем Средневековье, но применимо и к другому контексту. Важными являются критический подход к научному наследию (в том числе «собственному» национальному наследию), независимость и профессионализм историков и плюрализм идей.

А. И. Филюшкин: Идея византинизации древнерусской истории, с одной стороны, в самом деле кажется неким концептуальным выходом, способом преодоления сепаратизма национальных историографий. Но, с другой стороны, на пути ее реализации слишком много труднопреодолимых препон. Фактически она означает денационализацию древнерусского наследия. И тогда русскую, украинскую, белорусскую культуру надо начинать с более поздней эпохи. А до этого якобы была общая «Древняя Русь *a la* Византия».

Однако и архитектура, и литература, и иконопись (фреска) домонгольского периода были предшественниками последующей культуры — это основа, наследие всего

¹⁸ Tamm M. Truth, Objectivity and Evidence in History Writing // Journal of the Philosophy of History 8 (2014). P. 265–290 (здесь: p. 289).

¹⁹ Geary P. J. The Myth of Nations. The Medieval Origins of Europe. Princeton; Oxford, 2003. P. 155–156.

²⁰ Geary P. J. The Myth of Nations... P. 156.

дальнейшего развития, которое с определенного момента становится этнически ориентированным развитием. Многие списки средневековых летописей начинаются с «Повести временных лет», к древнерусскому наследию апеллировали и Рюриковичи, и православные князья Великого княжества Литовского, и казацкая старшина. Вопрос о том, насколько наследие и представления об этом наследии были релевантны реалиям Древней Руси — это другой вопрос, на который, вероятно, мы никогда не получим точного ответа в силу состояния источниковой базы.

Образ Древней Руси — гораздо более системообразующий образ для государственности восточных славян, чем образ Византии для современной Греции (и тем более для других стран на бывшей территории Византийской империи — Турции, Болгарии, Сербии, Армении и т. д.). Идея его византинизации красива, но ведь она тоже абсолютно современная — потомки Древней Руси считали себя имеющими право на свое древнерусское наследие, но никто из них вплоть до XXI в. Русь не византизировал. Такое прочтение лучше, чем растаскивание истории по национальным квартирам с утратой самой возможности диалога. Но можно ли с помощью этого приема получить ответ на вопрос, чем же все-таки была Древняя Русь как актор исторического процесса?

Бесспорно, и древнерусский период, и XIV, и XV, и XVI вв. были веками в развитии стран и народов Восточной Европы, каждая эпоха по-своему. Но нам сложно сказать, что вот именно в этот век произошли радикальные перемены, и вот с этого рубежа мы ведем отсчет государственности вплоть до наших дней. Потому что это не так для Украины и Белоруссии, государственность ВКЛ растворяется в Речи Посполитой и гибнет вместе с ней в 1795 г., а проект Гетманщины XVII в. не состоялся. Единственная государственность на территории Восточной Европы, которая не прерывалась столетиями — это древнерусская — средневековая русская — «государство всея Руси» — Российское царство XVI–XVII вв. Затем следует империя Петра I, хотя вопрос, когда же Российская империя начинает складываться дискурсивно и институционально, сложнее. Этот процесс был запущен еще до Петра.

Почему в Восточной Европе не получилось композитных монархий — по образцу Британии или Испании, а доминирующей моделью сразу становится именно имперская модель? Почему проскакивается этап национальных государств — в отличие от Западной Европы, где композиты плавно перетекали в национальные государства, и только потом некоторые из них начинали строить свои империи? В Восточной Европе не получилось композитов (вопрос, в какой мере композитом была Речь Посполитая, оставим для дискуссии), а национальные государства строятся только в XX–XXI вв., на обломках империи.

Получается, что Восточная Европа развивалась по другой схеме, чем Западная Европа, с иной последовательностью элементов. Самой эффективной и жизнестойкой сразу после Средневековья оказывается имперская модель, которая поглощает все остальные, и ее преимущество и распространение вряд ли можно научно объяснить только тем, что «злой московский тиран всех завоевал». Совершенно очевидна слабость национального фактора и превалирование имперского над национальным (раз не получилось ни национальных раннемодерных государств, ни серьезного национального сопротивления имперскому наступлению). Надо попытаться понять, почему так произошло.

Существующие сегодня историографические ответы, делающие упор на дефективности социально-политических структур Речи Посполитой (вроде *liberum veto*) или

на тирании и насилии Москвы явно обусловлены презентизмом и мало что объясняют с научной точки зрения. Здесь нужна концептуальная перезагрузка, попытка поискать принципиально новую оптику и с ее помощью попробовать найти искомый ответ.

Вячеслав Васильевич Чурзин: Восточно-Европейская история понимается в контексте целостной европейской истории. Предлагаю три тезиса.

Различие Западной и Восточной Европы вытекает из процессов перехода от античного времени к Средневековью, появлению новых субъектов и одновременно объектов: германцев и славян. Романизация Римом варварских племен сопровождалась разрушением их верований и языков, спасение находилось в принятии ими веры и языка завоевателей, что вело к распаду обществ на индивидов, принявших иную культуру. Так было в Гесперии (Западно-Римской империи). Иначе происходили процессы в Византии (Восточно-Римской империи).

Греки, в отличие от римлян, проявляли терпимость к этническим различиям. Эллинизация предполагала подчинение покоренных народов духовной культуре греков от Александра Македонского до Юстиниана. Если Священные писания на Западе на обязательном для всех языке — латыни, на Востоке греки переводили его на славянский язык, что делало его понятным и вело к добровольному подчинению церкви. Греки дали форму русскому языку через письменную речь. Распространение языка и верований великороссов в полиэтнической среде при ее поощрении самими великороссами ставит проблему этнического самоопределения между этническим происхождением и принадлежностью. Исключением в данных процессах следует считать Германию. Битва в Тевтобургском лесу предопределила отказ ее как от романизации, так и от эллинизации. Лишенные опыта подчинения, германцы сохранили инстинкт подчинения соседей. К Германии следует отнести и Венгрию, которая, проникнув на Дунай, разделила славян на западных и южных, сохранив пассионарность кочевников.

Из изложенного следует, что на Западе процесс этногенеза совпадал с государственным строительством в пределах компактного проживания этносов. Наоборот, на востоке Европы — полиэтническая картина чересполосицы, славяне, тюрки и финны не имели четких границ проживания. Поэтому государственное строительство происходило на полиэтнической основе. Причем доминирующая нация, великоруссы, брала на себя служебную роль и поощряла национальное многообразие.

XIX век — пик европейской истории. Уход в XX в. от европоцентризма не отменил его культурного значения. Культурные народы живут одновременно и прошлым, как состоявшимся, так и ожиданием будущего. Изучение прошлого — есть проектирование будущего. Думается, польские историки показывают нам пример того, как надо искать ответы в XIX веке на вопросы XXI века. Скажем, византийская традиция проявилась и в советский период. Свергаемые классы лишались покровительства закона, как и жизнь и имущество их представителей (так называемые «поток и разграбление»). Согласно ей, ожидаемое будущее обеспечивает народу действующее правительство. Или осуществление идеалов панславизма коммунистами в 1945–1991 гг. Крах СССР связывается с принятием европоцентрической модели римского извода.

Йорг Хакманн: У меня есть несколько замечаний. Во-первых, споры о том, как писать историю Восточной Европы, начались около 100 лет назад. Они были вызваны изменением исторической ситуации: в Европе возникли новые государства, которые

были образованы либо нациями, некогда утратившими свою государственность (например, Польша), либо малыми народами, впервые обретавшими свою собственную страну (от Финляндии до Чехословакии). Им всем было необходимо создать свою национальную историографию, описывающую их прошлое в новых границах. Эти процессы нашли свое отражение в международных дискуссиях – на международных съездах историков в Брюсселе (1923 г.), Осло (1928 г.) и Варшаве (1933 г.). Дебаты начались с постановки проблемы: «Славянский мир или Восточная Европа?». В результате были созданы концепты «Восточная Европа» и «Центрально-Восточная Европа» как новые исторические понятия, выходящие за уровень отдельных национальных историографий²¹. Дискуссия о Центрально-Восточной Европе как наднациональном историческом регионе оказалась продолженной Оскаром Халецким в 1945 г. в США, после окончания Второй мировой войны, и получила новое актуальное звучание после 1989 г. («нежная революция» в ЧССР, с которой начался распад советского блока в Восточной Европе). Подобные историографические тенденции можно было бы отметить и в отношении представлений о Балтийском море как особом историческом регионе.

Во-вторых, существует недопонимание между немецкой историографией и другими национальными историографиями. Немцы не понимают, почему поляки или, например, эстонцы хотят иметь свою историографию. В результате возникла политизированная концепция «Германских восточных исследований» (*Deutsche Ostforschung*), целью которой было защитить или легитимизировать роль Германии в Восточной Европе с помощью исторических аргументов. Она, безусловно, опиралась на исторические факты, но в их трактовке здесь мы видим сознательный отход от научных стандартов и подчинение историографии национальным интересам (*Staatsräson*). Дискуссии велись в основном вокруг средневековых сюжетов и истории Раннего Нового времени, например, вокруг вопроса о роли немецкой колонизации Восточной и Центральной Европы.

В-третьих, если мы посмотрим на эту дискуссию после 1945 г., то необходимо констатировать возникшую проблему: как говорить об истории Восточной Европы в научном плане и отражать (и одновременно преодолевать) влияние националистических и политизированных дискурсов? Возможный путь, если обрисовать его в двух словах, искать диалог в отношении сложных исторических вопросов (вместо национального монолога) и размышлять о транснациональных исторических путях.

А. И. Филюшкин: Продолжая мысль профессора Й. Хакманна, хочу подчеркнуть еще раз: необходим международный научный диалог. Нельзя замыкаться на национальных историографиях. И германская историография выступает примером такой историографии, поскольку Германия тоже переживала период Великой Германской Империи, но она все-таки нашла выходы из этой ситуации. На самом деле это очень интересный сюжет о том, как имперская историография переживает себя после распада империи. Например, Британия — как британская историография переживала историю Британской империи. Германия — ведь, например, Прибалтика была тоже немецкой; Польша — ведь для Польши до сих пор фантомной болью являются Кресы, о которых по сей день выходит большое количество книг, это восточные области Польши, которые до сих пор польской историографией считаются временно отторгнутыми. И как Россия переживает

²¹ См.: *Troebst S. Introduction: What's in a Historical Region? A Teutonic Perspective // European Review of History. 2003. Vol. 10. No. 2. P. 173–188.*

этот распад империи, как российская историография найдет формулу для этого? Это тоже вопрос о том, как писать историю Восточной Европы.

Я однажды на занятиях дал студентам задание: составить проект учебника по истории России — каким они бы его хотели видеть. Споры возникли вокруг первого же пункта: а история России — это где? В каких географических рамках ее описывать? История Галицко-Волынской Руси в древнерусский период? История Северного Кавказа до XVI века? История Сибири до 1582 года? История Крыма до 1783 года? А история Великого княжества Финляндского в 1809–1918 годах?

Получается, что определить какие-то раз и навсегда заданные географические рамки для всех хронологических периодов будет неправильным (скажем, изучать историю России только в современных границах РФ, и тогда исключить из нее Киевскую Русь, Прибалтику, Польшу, Среднюю Азию и так далее). Но чего будет стоить такая «обрезанная» история? Она будет, простите за каламбур, неисторичной историей. Но тогда возникает другая проблема: а как описывать историю регионов до их вхождения в состав Российской империи и после ее распада? В рамках какого курса? В рамках какого вопроса — истории внешней политики? Словом, тут очень важно задать научно корректный и максимально эффективный подход, оптику исследования.

Людмила Ивановна Ивонина: Мне, как специалисту, прежде всего, в области истории международных отношений раннего Нового времени, представляется значимым тезис Александра Ильича об оптике исследования государства. Да и то, что не следует замыкаться на национальных историографиях, должно быть аксиомой для любого ученого в условиях глобализации, развития гуманитарной дипломатии и тесных международных научных контактов. Однако главным в рамках «оптического прицела» я считаю взгляд на весь континент в целом, а не на историю Восточной Европы в отдельности. Даже британцы, склонные к изучению истории своей страны с позиций изоляционизма и «британского превосходства», последние пятьдесят лет отказываются от этих позиций и чаще исследуют проблемы европейского и мирового плана²². Такой взгляд позволяет шире и глубже взглянуть на проблему, выделив не только общие закономерности и отличительные особенности развития государств, их место в европейской системе, но и радикально скорректировать точки зрения национальных историографий.

Так, в свое время, исследуя дипломатию войны за Испанское наследство, я обнаружила очень тесную ее взаимосвязь с Великой Северной войной, и поэтому посвятила этому вопросу отдельную главу в книге под названием «Запад и Восток». В результате был рожден тезис о наличии единого международного конфликта, состоявшего из двух пересекающихся европейских войн²³. Примечательно, что именно британский историк Р. Фрост отметил необходимость пристальнее взглянуть на Восточную Европу, чтобы глубже понять природу военных изменений и их влияние на социальные и политические структуры раннего Нового времени²⁴.

²² См., например: *Black J. Eighteenth Century Europe, 1700–1789*. 2nd ed. London, 1999. P. 279. — Американский историк британского происхождения Дж. Паркер пошел еще дальше, включив Восточную Европу кризисной эпохи в общий контекст мирового развития: *Parker G. Global Crisis: War, Climate Change and Catastrophe in the Seventeenth Century*. New Haven, 2013. P. 147–165.

²³ См.: *Ивонина Л. И. Война за Испанское наследство*. М., 2009 (2-е изд. — Смоленск, 2010).

²⁴ *Frost R. I. The Northern Wars 1558–1721*. London; New York, 2000. P. 18–19.

Далее, если говорить об оптике взгляда на Россию и в целом на Восточную Европу, то здесь самым эффективным мне представляется подход с позиций изучения композитарных государств и империй. Россия являлась композитарным государством наряду с Британией, Испанией, Речью Посполитой и другими, к тому же стала империей, и проблемы ее развития в определенном смысле схожи с проблемами других композитарных государств и империй. Более того, в разные эпохи от политических, социальных и экономических кризисов больше страдали именно композитарные государства, в которых могла иметь место политическая нестабильность по причине сохранения территориями своих институтов и коллективной идентичности с разным языком и религией.

При изучении Восточной Европы важно учесть также фактор типа имперского развития, историю формирования метрополий и колоний и взаимоотношений между ними. Большинство империй раннего Нового времени являлись империями предпринимательства, эксплуатации, разрешения внутренних противоречий, и, возможно, в некотором смысле это были империи случая. Находясь на огромном расстоянии от своих метрополий, требовавшим месяцев плавания через океан, колонии целого ряда европейских держав не представляли для них непосредственного стратегического значения, метрополиям необходимо было разрешать лишь местные колониальные противоречия. Испанские, португальские, голландские, английские, французские колонии имели для своих метрополий преимущественно экономическое значение. А формировавшаяся Российская держава, которая в XVIII в. официально стала называться империей — как, собственно, и Шведская империя (Великодержавие) — была главным элементом защиты собственного государства²⁵.

Существенным фактором изучения Восточной Европы является фиксация ключевых моментов в истории государств, менявших их территориальную «композицию». Так, ключевыми моментами истории России и Украины (а также других участников событий) можно назвать Переяславскую Раду 1654 г. и разделы Польши. На моем спецкурсе по истории международных отношений Вестфальской системы один из студентов который год делает доклад о роли разделов Речи Посполитой в европейской политике. Я задаю докладчику и слушателям традиционный вопрос: как отразились упомянутые разделы на современной Украине? Внятных ответов немного, но студенческая публика уже видит ретроспективу развития. Ведь разделы Польши, распределив украинский этнос по разным государствам с разными политическими системами, конфессиями и культурой, способствовали формированию «разной» в территориальном и ментальном отношении Украины, что мы наблюдаем сегодня.

В результате получается, что, например, финнам легче определить на карте, где Финляндия, и рассказать ее историю (хотя и с этим утверждением можно поспорить). Но все же для граждан (или подданных) России, Британии, Испании и ряда иных композитарных государств это вызывает гораздо больше сложностей. Поэтому здесь и необходим оптический взгляд с хронологическими аспектами — с учетом политических изменений в конкретный момент истории композитарного государства. Опять обращусь к британскому примеру: в свое время существовала история Англии и история Шотландии, но после восшествия на английский трон Якова Стюарта в 1603 г. появилась история Британии, а в 1707 г. — история Великобритании. В любом случае, без

²⁵ *Roberts M.* The Swedish Imperial Experience. 1560–1718. Cambridge, 1979. P. 4.

учета «композиции», воздействия ключевого конкретного исторического момента и общеевропейского контекста изучение истории Восточной Европы будет искаженным.

За помощь в подготовке стенограммы круглого стола редакция выражает благодарность Д. Киселеву (Санкт-Петербургский государственный университет).

Перевод выступления М. Поповича сделан А. В. Мартынюком

Информация о статье

Авторы: Алимов, Денис Евгеньевич — кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: d.alimov@spbu.ru, OrcID 0000-0002-4733-4150; Даниш, Мирослав — PhD, профессор, Университет Коменского, Братислава, Словакия, e-mail: miroslav.danis@uniba.sk, OrcID 0000-0003-4090-5579;

Дмитриев, Михаил Владимирович — доктор исторических наук, профессор, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, e-mail: dmitrievm300@gmail.com, OrcID 0000-0002-4101-8755, Researcher ID C-5302-2017, SPIN-код 7730-6875;

Ивонина, Людмила Ивановна — доктор исторических наук, профессор, Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия, e-mail: ivonins@rambler.ru, OrcID 0000-0002-7230-0518, SPIN-код 8019-3667;

Кузьмин, Андрей — кандидат исторических наук, Институт общественных наук, Школа актуальных гуманитарных исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Московский кампус, Москва, Россия, e-mail: kuzmin_av73@mail.ru, OrcID 0000-0002-6699-3573, SPIN-код 7904-7376;

Мартынюк, Алексей Викторович — кандидат исторических наук, заведующий кафедрой историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы, Минск, Беларусь, e-mail: a.martyniuk@mail.ru, OrcID 0000-0002-0549-720X, SPIN-код 2923-247;

Попович, Михайло — PhD, научный сотрудник, Институт средневековых исследований, Австрийская Академия наук, Вена, Австрия e-mail: mihailo.porovic@oeaw.ac.a, OrcID 0000-0002-3128-2210;

Селарт, Анти — PhD, профессор, Тартуский университет, Тарту, Эстония, e-mail: anti.selart@ut.ee, OrcID 0000-0001-8608-9154, Reseacher ID H-2825-2012, Scopus ID 38261677500;

Филошкин, Александр Ильич — доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: a.filushkin@spbu.ru, OrcID 0000-0003-2456-7514, Researcher ID F-9139-2013, Scopus ID 55336577600, SPIN-code 1117-2468;

Хакманн, Йорг — доктор истории, профессор, Институт истории, Университет Щецина, Щецин, Польша, e-mail: jorg.hackmann@usz.edu.pl, OrcID 0000-0002-1765-505X;

Чурзин, Вячеслав Васильевич — заведующий Кабинетом гуманитарных наук, Северо-Западный государственный медицинский университет им. И. И. Мечникова, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: churzin_v@mail.ru

Заголовок: Как сегодня изучать историю Восточной Европы? Дискуссия

Резюме: В дискуссии по проблемным вопросам, предложенным к рассмотрению А. И. Филошкиным и А. В. Мартынюком, приняли участие представители разных стран Центральной и Восточной Европы и разных историографических традиций. Участники дискуссии выделили проблемные пункты в изучении истории восточноевропейского региона: сложность определения географических и хронологических рамок, отсутствие устоявшейся терминологии, разрыв историографической традиции, необходимость поиска нового методологического инструментария и одновременно верификации корректности его применения, влияние на научную проблематику современных общественных курсов. Были высказаны аргументы как «за», так и «против» предложенного тезиса о необходимости «византинизации» истории Древней Руси, поскольку нарочитое «отстранение» от средневековой истории и вывод ее за пределы актуальных общественных дискуссий вряд ли возможны. Большинство выступающих высказались за преодоление ситуации «национального дробления» средневековой истории Восточной Европы, поиск (или выработку) той перспективы исследования, которая позволит увидеть историю этого региона как историю единого пространства, имеющего свою динамику, свои «ритмы» и свои особенности, не сводимые лишь к предыстории современных государств и наций. Была подчеркнута важность сравнительных исследований — необходимость при рассмотрении истории Древней Руси и восточных славян в Средние века и раннее Новое время обращаться к опыту

изучения истории южных и западных славян, Византии и средневековых Балкан, регионов Балтийского и Черного морей и, в конце концов, не бояться поиска типологических параллелей и в «далеких землях и эпохах» — в истории Античности, средневекового Латинского мира, классического западноевропейского Модерна. Дискуссия показала важность рефлексии историков над предметом и методом своего исследования, а также потребность в постоянном профессиональном диалоге представителей разных национальных школ и историографических традиций.

Ключевые слова: Древняя Русь, восточноевропейское Средневековье, Византия, медиевистика, глобальная история, цивилизационный подход, региональные исследования, историография, методология, историческая память

Литература, использованная в статье:

Бессуднова, Марина Борисовна. Россия и Ливония в конце XV века. Истоки конфликта. Москва: Квадрига, 2015. 448 с.

Бродель, Фернан. История и общественные науки. Историческая длительность // *Философия и методология истории* / Под ред. Кона, Игоря Семеновича. Москва: Прогресс, 1977. С. 115–142.

Горский, Антон Анатольевич. Средневековая Русь. О чем говорят источники. Москва: Ломоносовъ, 2016. 216 с.

Ивонина, Людмила Ивановна. Война за Испанское наследство. Москва: РосКонсульт, 2009. 288 с. (2-е изд., доп. — Смоленск: Издательство СмолГУ, 2010. 318 с.).

Идеология «особого пути» в России и Германии: Истоки, содержание, последствия / Под ред. Паина, Эмиля Абрамовича. Москва: Три квадрата, 2010. 320 с.

История Эстонской ССР (С древнейших времен до наших дней) / Ред. Наан, Густав Иоганнович. Таллин, 1958. 752 с.

Котляров, Дмитрий Алексеевич. Русь и Поволжье: этнополитическое взаимодействие (XIV–XVI вв.) // Долгов, Вадим Викторович; Котляров, Дмитрий Алексеевич; Кривошеев, Юрий Владимирович; Пузанов, Виктор Владимирович. *Формирование российской государственности: Разнообразие взаимодействий «центр-периферия» (Этнокультурный и социально-политический аспекты)*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2003. С. 291–404.

Кучкин, Владимир Андреевич. Русь под игом: Как это было? Москва: Панорама, 1991. 28 с.

Лукин, Павел Владимирович. Новгородское вече. Москва: Индрик, 2014. 607 с.

Мошин, Владимир Алексејевич. Под теретом / Превод и коментари Несиба Палибрк-Сукић. Београд: Народна библиотека Србије, 2008. 283 с.

Травин, Дмитрий Яковлевич. «Особый путь» России: От Достоевского до Кончаловского. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета, 2018. 224 с.

Фукуяма, Фрэнсис. Конец истории и последний человек. Москва: АСТ, 2015. 576 с.

Яковенко, Игорь Григорьевич. Россия и репрессия: Репрессивная компонента отечественной культуры. Москва: Новый хронограф, 2011. 336 с.

Aul, Juhan; Ling, Harry; Paaver, Kalju. Eesti NSV imetajad. Tallinn: Eesti Riiklik Kirjastus, 1957. 350 p.

Black, Jeremy. Eighteenth Century Europe, 1700–1789. 2nd ed. London: Palgrave Macmillan, 1999. 624 p.

Dmitriev, Mikhail. Ukraine and Russia. About the book: «Ukraine and Russia in Their Historical Encounter» // Canadian Slavonic Papers / Revue canadienne des slavistes. 1993. T. XXXV. No. 1–2 (March–June 1993). P. 131–147.

Dukes, Paul. World Order in History. Russia and the West. London; New York: Routledge, 1996. 198 p.

Emmons, Terence. On the problem of Russia's «Separate Path» in Late Imperial Historiography // *Historiography of Imperial Russia: The Profession and Writing of History in a Multinational State* / Ed. by Thomas Sanders. New York: M. Sharpe, 1999. P. 163–187.

Frost, Robert I. The Northern Wars 1558–1721. London; New York: Longman, 2000. 401 p.

Geary, Patrick J. The Myth of Nations: The Medieval Origins of Europe. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2003. 199 p.

Halperin, Charles. Russian and Mongols. Slavs and the Steppe in Medieval and Early Modern Russia / Ed. by Victor Spinei and George Bilavski. Bucureşti: Editura Academiei Romane, 2007. 327 p.

Hartog, Leo de. Russia and the Mongol Yoke. The history of the Russian Principalities and the Golden Horde, 1221–1502. London; New York: British Academic Press, 1996. 211 p.

Khodarkovsky, Michael. «Third Rome» or a Tributary State? A View of Moscow from the Steppe // *Die Geschichte Russlands im 16. und 17. Jahrhundert aus der Perspektive seiner Regionen*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2004. P. 363–374.

- Ostrowski, Donald.* A Methahistorical Analysis: Hayden White and Four Narratives of «Russian History» // CLIO: A Journal of Literature, History and the Philosophy of History. 1990. Spring. Vol. 19. No. 3. P. 215–236.
- Ostrowski, Donald.* Muscovy and the Mongols. Cross-cultural Influences on the Steppe Frontier, 1304–1589. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 329 p.
- Parker, Geoffrey.* Global Crisis: War, Climate Change and Catastrophe in the Seventeenth Century. New Haven, CT: Yale University Press, 2013. 871 p.
- Plokhyy, Serhii.* Ukraine and Russia in Their Historical Encounter (Remarks on Mikhail Dmitriev's Review) // Canadian Slavonic Papers / Revue canadienne des slavistes. 1993. T. XXXV. No. 3–4 (September–December 1993). P. 335–344.
- Raffensperger, Christian.* Reimagining Europe: An Outsider Looks at the Medieval East-West Divide // The medieval networks in East Central Europe: Commerce, contacts, communication / Ed. Balázs Nagy et al. London: Routledge, 2019. P. 11–24.
- Raffensperger, Christian.* Reimagining Europe: Kievan Rus' in the Medieval World, 988–1146. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2012. 329 p.
- Riasanovsky, Nicholas V.* Russian Identities: A Historical Survey. Oxford; New York: Oxford University Press, 2005. 278 p.
- Roberts, Michael.* The Swedish Imperial Experience. 1560–1718. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. 156 p.
- Sarkisyanz, Emanuel.* Russland und der Messianismus des Orients. Sendungsbewusstseins und politischer Chiliasmus des Ostens. Tübingen: J. B. C. Mohr, 1955. 420 p.
- Tamm, Marek.* Truth, Objectivity and Evidence in History Writing // Journal of the Philosophy of History. 2014. Vol. 8. P. 265–290.
- Troebst, Stefan.* Introduction: What's in a Historical Region? A Teutonic Perspective // European Review of History. 2003. Vol. 10. No. 2. P. 173–188.
- Ukraine and Russia in Their Historical Encounter / Ed. by Peter J. Potichnyj, Marc Raeff, Jaroslaw Pelenski, Gleb N. Zekulin. Edmonton: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press, University of Alberta, 1992. 346 p.

Information about the article

- Authors:** Alimov, Denis Evgenyevich — PhD in History, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, e-mail: d.alimov@spbu.ru, OrcID 0000-0002-4733-4150;
- Churzin, Vyacheslav Vasilyevich — Head of the Cabinet of Humanities, North-Western State Medical University named after I. I. Mechnikov, St. Petersburg, Russia, e-mail: churzin_v@mail.ru;
- Daniš, Miroslav — Dr. Sc., Professor of General History, Comenius University, Bratislava, Slovakia, e-mail: miroslav.danis@uniba.sk, OrcID 0000-0003-4090-5579;
- Dmitriev, Mikhail Vladimirovich — Dr. Sc. in History, Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, e-mail: dmitrievm300@gmail.com, OrcID 0000-0002-4101-8755, Researcher ID C-5302-2017, SPIN-code 7730-6875;
- Filyushkin, Aleksandr Ilyich — Dr. Sc. in History, Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, e-mail: a.filyushkin@spbu.ru, OrcID 0000-0003-2456-7514, Researcher ID F-9139-2013, Scopus ID 55336577600, SPIN-code 1117-2468;
- Hackmann, Jörg — Dr. phil. habil., Professor, Szczecin University, Szczecin, Poland, e-mail: jorg.hackmann@usz.edu.pl, OrcID 0000-0002-1765-505X;
- Ivonina, Lyudmila Ivanovna — Dr. Sc. in History, Professor, Smolensk State University, Smolensk, Russia, e-mail: ivonins@rambler.ru, OrcID 0000-0002-7230-0518, SPIN-code 8019-3667;
- Kuz'min, Andrey Valentinovich — PhD in history, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, e-mail: kuzmin_av73@mail.ru, OrcID 0000-0002-6699-3573, SPIN-code 7904-7376;
- Martyniuk, Aleksey Viktorovich — PhD in History, Head of the Department, Historical and Cultural Heritage of Belarus, National Institute for Higher Education, Minsk, Belarus, e-mail: a.martyniuk@mail.ru, OrcID 0000-0002-0549-720X, SPIN-code 2923-247;
- Popović, Mihailo — PhD, Research Fellow, Institute for Medieval Studies, Austrian Academy of Sciences, Vienna, Austria, e-mail: mihailo.popovic@oeaw.ac.at, OrcID 0000-0002-3128-2210;
- Selart, Anti — PhD in History, Professor, University of Tartu, Tartu, Estonia, e-mail: anti.selart@ut.ee, Researcher ID H-2825-2012, Scopus ID 38261677500, OrcID 0000-0001-8608-9154.

Title: How to study the history of Eastern Europe today? Discussion

Summary: The discussion, devoted to the consideration of the papers of Alexander Filyushkin and Alexey Martyniuk, took part at the special section of the Petersburg Historical Forum. The participants are from Russia, Austria, Slovakia, Estonia, Germany etc. Participants in the discussion highlighted the problematic points in the study of the history of the Eastern European region: the difficulty of defining the geographical and chronological framework, the problems of an established terminology, the break in the historiographic tradition, the need to search for new methodological tools and, at the same time, to verify the correctness of its application. Arguments were expressed both “for” and “against” the proposed thesis of Alexey Martyniuk about the “Byzantinization” of the history of Old Rus’. Most of the speakers spoke in favor of overcoming the situation of “national fragmentation” of the medieval history of Eastern Europe. The development of that research perspective that would allow us to see the history of this region as the history of a single space, which has its own dynamics, its own “rhythms” and its own characteristics, which are not reducible only to the common history of modern states and nations. The importance of comparative studies was emphasized — the need, when considering the history of Old Rus’ and the Eastern Slavs in the Middle Ages and Early Modern Times, to refer to the experience of studying the history of the southern and western Slavs, Byzantium and the medieval Balkans, the regions of the Baltic and Black Seas and, in the end, not to be afraid the search for typological parallels in “distant lands and eras” — in the history of Antiquity, the medieval Latin world, classical Western European Modernity. The discussion showed the importance of historians’ reflection on the subject and method of their research, as well as the need for constant professional dialogue between representatives of different national schools and historiographic traditions.

Keywords: Old Russia, Eastern European Middle Ages, Byzantium, medieval studies, global history, civilizational approach, regional studies, historiography, methodology, historical memory

References:

- Aul, Juhan; Ling, Harry; Paaver, Kalju. *Eesti NSV imetajad [Mammals of the Estonian SSR]*. Tallinn: Eesti Riiklik Kirjastus Publ., 1957. 350 p. (in Estonian).
- Bessudnova, Marina Borisovna. *Rossiya i Livoniya v kontse XV veka. Istoki konflikta [Russia and Livonia in the end of the 15th century. Origins of a conflict]*. Moscow: Kvadriga Publ., 2015. 448 p. (in Russian).
- Black, Jeremy. *Eighteenth Century Europe, 1700–1789*. 2nd ed. London: Palgrave Macmillan Publ., 1999. 624 p.
- Braudel, Fernand. *Istoriya i obshchestvennye nauki. Istoricheskaya dlitel’nost’ [History and the Social Sciences: The Long Duration]*, in Kon, Igor Semenovich (ed.). *Filosofiya i metodologiya istorii [Philosophy and Methodology of History]*. Moscow: Progress Publ., 1977. Pp. 115–142 (in Russian).
- Dmitriev, Mikhail. Ukraine and Russia. About the book: «Ukraine and Russia in Their Historical Encounter», in *Canadian Slavonic Papers / Revue canadienne des slavistes*. 1993. T. XXXV. No. 1–2 (March–June 1993). Pp. 131–147.
- Dukes, Paul. *World Order in History. Russia and the West*. London; New York: Routledge Publ., 1996. 198 p.
- Emmons, Terence. On the problem of Russia’s «Separate Path» in Late Imperial Historiography, in Sanders, Thomas (ed.). *Historiography of Imperial Russia. The Profession and Writing of History in a Multinational State*. New York: M. Sharpe Publ., 1999. Pp. 163–187.
- Frost, Robert I. *The Northern Wars 1558–1721*. London; New York: Longman Publ., 2000. 401 p.
- Fukuyama, Francis. *Konets istorii i posledniy chelovek [The End of History and the Last Man]*. Moscow: AST Publ., 2015. 576 p. (in Russian).
- Geary, Patrick J. *The Myth of Nations: The Medieval Origins of Europe*. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2003. 199 p.
- Gorskiy, Anton Anatolyevich. *Srednevekovaya Rus’: O chem govoryat istochniki [Medieval Russia: What are the sources talking about?]*. Moscow: Lomonosov Publ., 2016. 216 p. (in Russian).
- Halperin, Charles. *Russian and Mongols. Slavs and the Steppe in Medieval and Early Modern Russia*. Ed. by Victor Spinei and George Bilavski. București: Editura Academiei Romane, 2007. 327 p.
- Hartog, Leo de. *Russia and the Mongol Yoke. The history of the Russian Principalities and the Golden Horde, 1221–1502*. London; New York: British Academic Press, 1996. 211 p.
- Ivonina, Lyudmila Ivanovna. *Voyna za Ispanskoe nasledstvo [The War of the Spanish Succession]*. Moscow: RosKonsult Publ., 2009. 288 p. (2nd ed. — Smolensk: Smolensk State University Press, 2010. 318 p.) (in Russian).
- Khodarkovsky, Michael. «Third Rome» or a Tributary State? A View of Moscow from the Steppe, in *Die Geschichte Russlands im 16. und 17. Jahrhundert aus der Perspektive seiner Regionen*. Wiesbaden: Harrassowitz Publ., 2004. Pp. 363–374.

- Kotlyarov, Dmitriy Alekseevich. Rus' i Povolzhe: etnopoliticheskoe vzaimodeystvie (XIV–XVI vv.) [Rus' and the Volga region: ethnopolitical interaction (14th–16th centuries)], in Dolgov, Vadim Viktorovich; Kotlyarov, Dmitriy Alekseevich; Krivosheev, Yuriy Vladimirovich; Puzanov, Viktor Vladimirovich. *Formirovanie rossiyskoy gosudarstvennosti: Raznoobrazie vzaimodeystviy «tsentr-periferiya» (etnokul'turniy i sotsial'no-politicheskii aspekt)* [The formation of Russian statehood: F variety of interactions, «center-periphery» (Ethno-cultural and sociopolitical aspects)]. Ekaterinburg: Ural University Press, 2003. Pp. 291–404 (in Russian).
- Kuchkin, Vladimir Andreevich. *Rus' pod igom: kak eto bylo?* [Russia under the yoke: how was it?]. Moscow: Panorama Publ., 1991. 28 p. (in Russian).
- Lukin, Pavel Vladimirovich. *Novgorodskoe veche* [Novgorod veche]. Moscow: Indrik Publ., 2014. 607 p. (in Russian).
- Moshin, Vladimir Alekseevich. *Pod teretom* [Under load]. Transl. and comments by Nesiba Palibrk-Sukih. Belgrade: Narodna biblioteka Srbije Publ., 2008. 283 p. (in Serbian).
- Naan, Gustav Iogannovich (ed.). *Istoriya Estonskoy SSR (S drevneyshikh vremen do nashikh dnei)* [History of the Estonian SSR (From ancient times to the present day)]. Tallin, 1958. 752 p. (in Russian).
- Ostrovski, Donald. A Methahistorical Analysis: Hayden White and Four Narratives of «Russian History», in *CLIO: A Journal of Literature, History and the Philosophy of History*. 1990. Spring. Vol. 19. No. 3. Pp. 215–236.
- Ostrowski, Donald. *Muscovy and the Mongols. Cross-cultural Influences on the Steppe Frontier, 1304–1589*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 329 p.
- Pain, Emil Abramovich (ed.). *Ideologiya «osobogo puti» v Rossii i Germanii: istoki, sodержanie, posledstviya* [The Ideology of «a Special Way» in Russia and Germany: Sources, Contents, Consequences]. Moscow: Tri kvadrata Publ., 2010. 320 p. (in Russian).
- Parker, Geoffrey. *Global Crisis: War, Climate Change and Catastrophe in the Seventeenth Century*. New Haven, CT: Yale University Press, 2013. 871 p.
- Plokyh, Serhii. Ukraine and Russia in Their Historical Encounter (Remarks on Mikhail Dmitriev's Review), in *Canadian Slavonic Papers / Revue canadienne des slavistes*. 1993. T. XXXV. No. 3–4 (September–December 1993). Pp. 335–344.
- Potichnyi, Peter J.; Raeff, Marc; Pelenski, Jaroslaw; Zekulin, Gleb N. (eds). *Ukraine and Russia in Their Historical Encounter*. Edmonton: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press, University of Alberta, 1992. 346 p.
- Raffensperger, Christian. Reimagining Europe: An Outsider Looks at the Medieval East-West Divide, in Balázs Nagy et al. (eds). *The medieval networks in East Central Europe: Commerce, contacts, communication*. London: Routledge Publ., 2019. Pp. 11–24.
- Raffensperger, Christian. *Reimagining Europe: Kievan Rus' in the Medieval World, 988–1146*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2012. 329 p.
- Riasanovsky, Nicholas V. *Russian Identities. A Historical Survey*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2005. 278 p.
- Roberts, Michael. *The Swedish Imperial Experience. 1560–1718*. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. 156 p.
- Sarkisyanz, Emanuel. *Russland und der Messianismus des Orients. Sendungsbewusstseins und politischer Chiliasmus des Ostens* [Russia and Oriental Messianism: Sense of Mission and Political Chiliasm in the East]. Tübingen: J. B. C. Mohr Publ., 1955. 420 p. (in German).
- Tamm, Marek. Truth, Objectivity and Evidence in History Writing, in *Journal of the Philosophy of History*. 2014. Vol. 8. Pp. 265–290.
- Travin, Dmitriy Yakovlevich. «Osobyi put'» Rossii. Ot Dostoevskogo do Konchalovskogo [The «special way» of Russia. From Dostoevsky to Konchalovsky]. St. Petersburg: European University Press, 2018. 224 p. (in Russian).
- Troebst, Stefan. Introduction: What's in a Historical Region? A Teutonic Perspective, in *European Review of History*. 2003. Vol. 10. No. 2. Pp. 173–188.
- Yakovenko, Igor' Grigoryevich. *Rossiya i repressiya: Repressivnaya komponenta otechestvennoy kul'tury* [Russia and the repression: The repressive component of the national culture]. Moscow: New chronograph Publ., 2011. 336 p. (in Russian).